

Венди Сайфрет

Солнечный НИГИЛИЗМ

кто очернил
философию
нигилизма

что на
самом деле
имел в виду
Ницше и

как отказ
от поиска смысла
может сделать нас
по-настоящему
счастливыми

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Бестселлеры саморазвития

Венди Сайфрет

**Солнечный нигилизм. Как отказ
от поиска смысла может сделать
нас по-настоящему счастливыми**

«ЭКСМО»

2021

УДК 159.923.2
ББК 88.52

Сайфрет В.

Солнечный нигилизм. Как отказ от поиска смысла может сделать нас по-настоящему счастливыми / В. Сайфрет — «Эксмо», 2021 — (Бестселлеры саморазвития)

ISBN 978-5-04-164107-8

Журналистка Венди Сайфрет представляет новый, «солнечный» взгляд на нигилизм. Автор очищает его от негатива и представляет как единственную концепцию, способную избавить современный мир от стресса, усталости и тревоги. Она по-новому смотрит на философию, которая обычно ассоциируется со сварливыми пессимистами, и исследует, как отказ от бесконечного поиска смысла в жизни, работе и любви может сделать нас счастливее. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.923.2
ББК 88.52

ISBN 978-5-04-164107-8

© Сайфрет В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1. Нигилизм в XXI веке	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Венди Сайфрет
Солнечный нигилизм. Как отказ
от поиска смысла может сделать
нас по-настоящему счастливыми

Wendy Syfret

The Sunny Nihilist. How Realising You Don't Matter Can Set You Free

© Wendy Syfret, 2021

© Проворова И., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Введение

В конце моей улицы в Мельбурне стоит штендер¹ – судя по всему, он принадлежит магазину свечей. Каждое утро на нем появляется какая-нибудь банальная мотивирующая фраза: «Зачем тащить на себе гору проблем, если можно на нее забраться?»; «Не нужно видеть лестницу целиком – просто шагни на первую ступеньку»; «Стань героем своей собственной истории». Как-то раз слова на доске попросту призывали прохожих «сделать что-нибудь великое». Еще несколько лет назад этот штендер сообщал о скидках, часах работы магазина и прочих вещах, связанных со свечами. Но однажды кто-то решил, что эти бытовые мелочи лишь попусту занимают драгоценное информационное пространство. Доску ожидала грандиозная судьба: теперь каждый день она спрашивает, не собираетесь ли вы сегодня изменить свою жизнь. Свечи отошли на второй план. Новым товаром этого маленького магазинчика стали смыслы.

Но не он один сменил ориентиры.

За последние годы поиск смысла превратился из личной цели в ходовой товар.

Сегодня мы стремимся увидеть в делах, которыми занимаемся, особую ценность, а общество готово наделить смыслом практически все сферы нашей жизни. Теперь мы рассматриваем продукты, услуги и новый опыт не с точки зрения полезности или необходимости. Мы отдаем предпочтение тем или иным вещам в зависимости от того, наполнены ли они в некотором абстрактном понимании «смыслом».

Такие штендеры встречаются нечасто, но подобную попытку продать товар под особым соусом вы можете встретить где угодно. Например, в подкастах, когда ведущий две минуты говорит о сообществах, памяти, ностальгии и ценностях, прежде чем вы поймете, что все это время речь шла об ипотечном страховании. Или когда бренд детского питания предлагает купить расфасованное по баночкам овощное месиво, прикрываясь душераздирающими заявлениями о климатическом кризисе.

Когда магазин материалов для изготовления свечей начал экспериментировать с ребрендингом, я работала в цифровых медиа и уже не понаслышке знала, насколько подскочил курс этой новой валюты – смыслов. Как-то я оказалась на собрании весьма талантливых копирайтеров, которые пытались придать одному популярному бренду вкусного, но идейно бессодержательного мороженого какой-то особый смысл. Задумка была такая: если потребитель почувствует, что это не просто мороженое, а рупор некой жизненно важной социальной или культурной ценности, он с большей охотой потратит на него шесть долларов.

Мы нащупали несколько направлений: может, предложить людям поделиться важными личными воспоминаниями, навеянными этим лакомством? Или попросить инфлюенсеров связать мороженое с полезным питанием? После часового мозгового штурма в поисках все более возвышенных и псевдоблагородных причин не просто купить восстановленное обезжиренное молоко на палочке, а превратить это в целое событие своей жизни, у одного из моих коллег лопнуло терпение. Он воскликнул: «Это же просто мороженое! Так пусть оно остается мороженым! Хватит искать смысл там, где его нет!»

Это предложение не нашло отклика. Мороженое, как и штендер, продолжило свое странствие в поисках смысла. Но теперь, сталкиваясь со слишком серьезной рекламой, я всякий раз задаюсь вопросом:

«Почему у всего на свете должно быть какое-то особое значение? Почему мороженое не может оставаться просто мороженым?»

¹ Раскладная конструкция из пластика или фанеры, которую ставят возле входа в магазины, рестораны и другие заведения. – Здесь и далее – примечания редактора, если не указано иное.

Конечно, тенденция наполнять смыслом любую мелочь возникла не вчера. С детства для меня была очевидна важность понимания *значения происходящего*. В воскресной школе в перерывах между библейскими историями и вырезанием распятий из гофрированной бумаги появлялись взрослые с серьезными лицами, которые наклонялись к нам и спрашивали: «А как *ты* думаешь, в чем была миссия Иисуса? Почему мы все здесь?» Ответить я могла лишь непонимающим взглядом и прописной истиной вроде: «Чтобы быть добрыми?»

Искать смысл я продолжала и дома. Между глупыми приколами и подшучиванием над родными Артур из одноименного мультика искал свою идентичность, «Новая жизнь Рокко» показывала пошлость жизни буржуев из пригорода, «Эй, Арнольд!» анализировал семейные травмы, и даже «Ох, уж эти детки!» – шоу о приключениях младенцев – столкнулись с проблемой неизбежности смерти. Для «Симпсонов» вопросы бытия стали практически одной из основных сюжетных линий.

И в глазах самоотверженного христианина, и в успокаивающем сиянии оранжевого логотипа *Nickelodeon* мы видим одно и то же послание: *единственный способ полностью насладиться жизнью и понять ее – тратить каждую свободную минуту на размышления о ее смысле*.

Но сам факт моего существования казался мне довольно безумным. В какой-то случайный день 1987 года мои родители решили заняться сексом, конкретные сперматозоид и яйцеклетка оказались особенно активными и позволили мне выиграть в лотерею зачатия – разве этого мало? Более того, мне повезло выжить при рождении и прожить еще почти десять лет. Я не понимала, зачем усложнять ситуацию. Само мое присутствие здесь казалось чем-то чудесным и непостижимым.

Тем не менее родители, учителя и даже малыши из телевизора будто не замечали этого удивительного хаоса вокруг нас и боялись, что хотя бы один момент моей жизни окажется бессмысленным. Забавно, но, несмотря на все их уверения, больше всего смысла я находила именно в идее бессмысленности жизни.

Когда я не могла заснуть, боялась чего-то или волновалась, я думала, сколько же всего должно было совпасть в человеческой истории, чтобы я здесь оказалась. Я представляла себе непостижимую массу особенных, исключительных событий, клубков материи, энергии, пространства, гравитации, кварков, протонов и нейтронов, из которых последние тринадцать миллиардов лет (или около того) складывались эпохи и экосистемы. Я пыталась осознать, как рос человеческий мозг, уменьшались зубы и выпрямлялись спины, как формировалась вереница безымянных предков, соединяющая меня с плейстоценом. Я была нервным ребенком и любила тихо поплакать в школьном туалете, но этот беспорядочный вихрь недопонимаемых мною наук и истории стал моим убежищем. Благодаря ему я чувствовала, что ни я, ни мои проблемы ничего не значат. Я понимала, что в этом сияющем хаосе ничто из того, что я делаю или не делаю, не имеет особого значения. После этого я успокаивалась и выходила из туалетной кабинки, удовлетворенная осознанием, что моя жизнь ничего не стоит, но мне повезло, что она у меня есть.

Должна признать, что, несмотря на твердость моих подростковых убеждений, я не считаю идею поиска смысла такой уж плохой. Наша цивилизация не стояла на месте благодаря *ему*. Трепетные влюбленные клянутся друг другу, что до судьбоносной встречи их жизнь была лишена именно *его*. Во времена неудач как раз *его* поиски заставляют героя двигаться дальше. Павшие злодеи задумываются *о нем* и понимают, что их черные души очистились. Фундаментальные представления об обществе, этике, логике, морали, сознании и равенстве родились в результате поиска *его*. Желание поломать *над ним* голову породило безмерное множество картин, книг и фильмов. Чаще всего эти события и их результат приносили нам пользу.

Присутствие в жизни смысла, возможно, как ничто другое, способно нас утешить. В своей книге 1946 года «Человек в поисках смысла» еврейский психиатр и невролог Виктор

Франкл приводит, пожалуй, самый весомый аргумент в его пользу. Во время Второй мировой войны Франкл, его первая жена и родители попали в нацистские концлагеря. За время, проведенное в них, он пришел к выводу, что осознание смысла и цели его жизни помогли ему сохранить рассудок и в конечном итоге выжить. Франкл часто цитировал немецкого философа Фридриха Ницше (позже мы к нему вернемся), который говорил: «Тот, у кого есть *ради чего* жить, может перенести *почти все что угодно*».

Мне кажется, нам стоит представлять смысл как путеводную звезду, которая освещает путь во времена кризиса или сомнений. В этом случае, даже если мы не получим вознаграждения в виде окончательного ответа на мучивший нас вопрос или не познаем трансцендентной нирваны, постоянный анализ наших действий и отношений с окружающими – это полезное занятие. Едва ли после глубокого, честного, личного размышления кто-то придет к выводу, что последние десять лет его жизни прошли напрасно.

Проблемы начинаются, когда обещания и ожидания, связанные со смыслом и его поиском, затмевают первоначальную идею этой концепции.

И именно здесь мы (с нашим мороженым) сегодня оказались. В какой-то момент этот благородный, глубоко личный поиск, который может занять целую жизнь, превратился в товар, навязываемый обществом. То, что раньше было эпосом, сжалось до размеров анекдота.

Глубоких размышлений над вопросами любви, семьи, работы или религии уже стало недостаточно (но будьте осторожны: ловушки есть и в них). Теперь от нас требуют искать смысл во всем, что мы делаем. От утреннего кофе до стирки на выходных – каждое событие или бытовую мелочь необходимо оптимизировать и превращать в глубокое высказывание о бытии.

Еще до звонка будильника нас будят уведомления приложений с гороскопами, которые передают нам указания звезд. Почтовые рассылки с бесконечными задачами и целями ждут нас в папке «Входящие» и требуют незамедлительного внимания. В ванной мы слушаем подкасты о том, как наполнить день смыслом, а после выкраиваем несколько минут, чтобы подробно расписать, чего нам удалось достичь накануне. Если раньше занятия спортом позволяли нам (с таким удовольствием) отключить голову, то теперь мы прерываем наше уединение музыкой из приложений с красивым дизайном, чтобы приятный голос рассказал нам, что на самом деле даст нам этот обряд изгнания калорий, как с каждым шагом мы переделываем себя и приближаемся к какой-то неизвестной новой жизни, до которой осталось всего два с половиной километра.

Надо сказать, что мои философские прозрения со дна коробки «Хэппи Мила» отгородили меня от этого. Какое-то время моя преданность бессмысленности была так крепка, что испортила множество уроков воскресной школы, лекций по философии и пьяных разговоров. Всякий раз, когда я жалела себя или теряла почву под ногами, я мысленно возвращалась к клубящейся массе случайных событий, которые привели к моему рождению, и думала: ну, по крайней мере, *все уже сложилось неплохо*. Ощущение своей ничтожности в этом мире и в собственном представлении давало мне странное чувство покоя.

Но, как выяснилось, даже многолетний приверженец концепции бессмысленности может попасть в смертоносную декадентскую ловушку смыслов.

Когда в 2010-х годах я работала в цифровых медиа, мои отношения с растущей коммерческой ценностью смысла начались с недоумения и закончились зависимостью. Журналистика – дело сложное и дорогое, и, к сожалению, глубоко продуманный, качественный и действительно содержательный контент очень редко находит своего читателя. Это жестокая реальность редакторов и авторов, разрывающихся между преданностью общественному благу и менеджерами, которые стоят над душой и спрашивают, не будет ли на этой неделе чего-нибудь «вирусного». Поэтому мы, журналисты, пошли простым обходным путем и использовали стремление нашего мозга к просвещению и поиску цели.

Человеку свойственно желание понять, что *все это* на самом деле значит. Такие размышления требуют большого труда. В прошлом писатели и философы посвящали всю жизнь поискам ответов на главные вопросы жизни. Генри Дэвид Торо прожил много лет в лесу в полном одиночестве, когда писал «Уолдена» – критический опус про западный консьюмеризм и разрушение природы. Эпикур основал «Сад» – в буквальном смысле микрообщество, где его последователи жили вместе, стремясь к пониманию и достижению счастья. У редакторов нет на это времени. Они ищут способ, как передать бесценное ощущение рефлексии и радости новых открытий. И если им удастся облечь эти эмоции в статью, на чтение которой уйдет четыре минуты, а потом она будет классно смотреться в *Instagram*, сбывать их становится намного проще и выгоднее.

Это одна из причин, по которым последние десять лет вы наверняка наблюдаете, как безграничные просторы онлайн-пространства колонизировали повествования от первого лица. И оно, будто самоублажаясь, приписывает глобальное значение каждому животному, овощу и минералу в радиусе двадцати метров от своего рабочего стола. Недавно друг прислал мне статью о том, что же *на самом деле* значит «сидеть». Прежде чем злобно ответить, я вспомнила, что сама писала унылые исследования на такие важные темы, как значимость восклицательных знаков, влияние выбора газированных напитков на развитие классового общества, а еще о том, что *Instagram* Скита Ульриха² может рассказать, как интернетом пользуются разные поколения.

На эти крошечные исследования читатель чаще обращает внимание, а значит, они позволяют расширить аудиторию и увеличить количество упоминаний в социальных сетях. Теперь это интеллектуальный конвейер, и громкие заявления в 800 слов, которые нужно успеть сдать до дневной новостной рассылки, заменили исследования в поисках смысла, требующие многолетней работы.

Я и сегодня могу взглянуть на полумертвый цветок в горшке и превратить его в высказывание о морали в эпоху постинтернета, или о нашем стремлении к спокойствию в городских условиях, или об ужасе избавления от идеализированных подростковых взглядов на жизнь. Конечно, этот навык не приносит человечеству слишком много пользы, но это – результат адаптации к системе и культуре, где смысл превратился в особую валюту, на которой все спешат нажиться.

Над нашей любовью к этому «фастфудному» просвещению легко посмеяться. Но понять ее тоже несложно. Пусть с детства я скептически относилась к тому, чтобы воспринимать что-либо всерьез, несомненно, нам всем есть над чем подумать. Даже если статья о выборе замороженных десертов не имеет смысла, она не лишает значимости всего остального. Как продемонстрировал Франкл, ощущение смысла помогает нам перенести боль и справиться с жизненной неразберихой.

* * *

Я писала эту книгу в 2020 году, когда по всему миру вспыхнули протестные движения *Black Lives Matter*. Все мы начали обсуждать проблемы расизма, насилия и власти в таких масштабах, каких большинство из нас никогда не видело. Каждый человек, каждая платформа, каждая корпорация (с большим или меньшим успехом) – все не просто следили за происходящим, но и отчаянно пытались понять, что эти события говорили о нас самих и как влияли на все аспекты нашей личной и публичной жизни. Мы почувствовали необходимость понять, что дала каждому из нас эта система власти. Всех нас мучили одни и те же вопросы: как мне помогли, пока чужие проблемы игнорировались; как мой ежедневный выбор, большой и малень-

² Скит Ульрих – американский актер, наиболее известен по фильмам «Крик» и «Колдовство», а также по роли Эф Пи Джонса в телесериале «Ривердейл».

кий, отражается на здоровье и безопасности людей, которых я, возможно, даже никогда не встречу?

Такие вопросы полезны, прогрессивны и помогают добру побеждать зло. В то же время они приносят нам стресс и боль. Они заставляют нас переписывать историю, менять представления о морали, справедливости и ценностях. Вот почему многие избегают подобных размышлений, пока не произойдет событие, которое не смогут проигнорировать даже традиционные медиа и социальные сети.

Мы привыкли день за днем упрощенно оценивать реальность, опираясь на собственные ощущения, которые нам так близки.

Поначалу кажется, что это здорово – пытаться придать огромное значение самым бессмысленным моментам нашей жизни. Вот эта вторая съеденная печенюшка – это же личный протест против сексистских стандартов красоты! Публикация своего удачного фото в *Instagram* – акт раскрепощения. Сон допоздна – вызов культуре капитализма. Шестой бокал вина и грядущее похмелье – средний палец культуре продуктивности. Так можно почувствовать себя очень важным человеком, даже если не делаешь ничего особенного. Но если слишком погрузиться в этот омут, восприятие начнет искажаться: мелкие обиды потребуют разбирательств длиной в жизнь, наша собственная значимость раздуется до невероятных масштабов и займет в нашей голове столько места, сколько мы, скорее всего, не заслуживаем.

Со временем безобидные поиски смысла и цели разъедают нас, поскольку все эти навязчивые мысли и помешательство на себе и своей жизни не приводят к ясным ответам или чувству облегчения. Многим становится лишь хуже.

Так произошло и со мной. Когда я гедонистически поклонялась смыслу, дела шли под откос. Когда приложения для медитации говорили мне, что сегодня *тот самый* день, ведущие подкастов уверяли меня, что я *тот самый* человек, и этот проклятый штендер говорил мне, что настал *тот самый* момент, во мне зарождался новый, искаженный взгляд на мир.

По мере того, как смысл превращался в своеобразную метрику, я искала его в тех областях своей жизни, о которых еще несколько лет назад почти не задумывалась. Все, в чем мне не удавалось найти смысл, казалось пустой тратой времени и сил. Я стала одержима поиском смысла во всем, что делала, волновалась о том, как трачу свое время, и чувствовала вину, если не занималась «значимыми» делами 24 часа в сутки.

Во многих отношениях моя жизнь в этот период складывалась неплохо. У меня была «крутая работа», о которой мне нравилось рассказывать на вечеринках, хороший партнер, симпатичная квартира и достаточно денег, чтобы привыкнуть к мутному вину, по вкусу напоминающему песок. Но вместо того чтобы перевести дух, оглянуться вокруг и подумать, как же все это здорово, я думала лишь о том, *что же все это значило*.

Фишка смысла в том, что чем меньше его, тем лучше. А когда он тонет в море бессмысленности – это вообще замечательно. Раньше мы могли надеяться обзавестись в жизни несколькими значимыми вещами, будь то партнер, хобби, общественно полезное дело или даже работа. Все эти дела занимали большую часть нашего времени, но были и другие занятия – бессмысленные (и, следовательно, менее трудоемкие). Уберите бессмысленность, и все вокруг моментально начнет давить. Вас начнут волновать вопросы: в чем смысл, предназначение, польза, конечная цель происходящего? Что все эти дела дают моей жизни, моему существованию, моей личности? Когда на эти вопросы невозможно ответить, любое дело (каким бы приятным оно ни было) может показаться пустой тратой времени.

Так происходило со мной. Но я заметила, что в это безумие погрузились и люди вокруг меня. Мою работу оценивали не столько по качеству выполнения задач, сколько по соответствию неким «смысловым» рамкам. В целом никого не заботило, действительно ли эта работа была полезной или делала мир лучше. Всех больше волновало, вписывается ли она в стихийный нарратив о смысле, в который мы все верили словно загипнотизированные.

Язык «фастфудных» смыслов и целей удивительно гибок: на нем говорят и реклама мороженого, и штендер у магазина свечей, и мой босс.

Все понимают его и верят, что он им подходит, потому что на самом деле эти концепции не говорят ни о ком и ни о чем конкретно. Эти смыслы отнимают у нас очень много времени и внимания, а взамен дают лишь мимолетное ощущение, что мы делаем что-то стоящее. И когда вы начинаете верить во все это, становится трудно остановиться.

Во мне росло беспокойство, и я снова начала тихо плакать в туалете. В детстве в такие моменты я утешала себя напоминанием, что все мои проблемы (и я сама) на самом деле не так важны. Приятно было осознавать свою незначительность. Теперь же меня поражала очевидная, хотя и совершенно необъяснимая важность каждого отдельного действия. Иногда я смотрела на себя в зеркало мертвыми глазами и бормотала: «Это еще не все, весь мир не может сходиться лишь на этом», будто это заклинание могло помочь не сойти с ума. Поиски смысла не расширили мое сознание, а привели меня к такой одержимости собой, что мне нужно было буквально напоминать себе, что я *на самом деле* физически не являюсь центром Вселенной.

Я пыталась обсудить с окружающими этот внутренний экзистенциальный страх. Я поняла, что многие из нас, сами не понимая почему, тоже запутались в этом лабиринте из целей, боли, стресса и жажды добиться всего как можно скорей. Это безумие поселилось в нас и заражало неудовлетворенностью, разочарованием. Мы думали, что находимся не там, где должны быть. Но обсуждения и исследования этого растущего чувства лишь возвращали нас к одному и тому же выводу: чтобы почувствовать себя полноценными, нужно просто продолжать поиски неуловимого смысла. Поймав его – благодаря терапии, дыхательным упражнениям, хорошему освещению, мотивационным подкастам, импортным продуктам и растяжкам в хорошо увлажненных помещениях – мы сразу почувствуем себя лучше. Наша жизнь будет достойна называться значимой.

Но смысл так и не появился. Появилось лишь осознание, что, если сжать челюсть достаточно сильно, зубы начнут ломаться. Давление, замешательство, страх и истощение наконец достигли апогея одним поздним вечером, когда я возвращалась домой с работы. В нескольких кварталах от дома у меня закружилась голова. Внутреннее напряжение, похоже, достигло своего предела и перекрыло поток воздуха. Я согнулась пополам и изо всех сил пыталась сделать полный вдох. Сердце бешено колотилось, и теперь важным казалось *вообще все*. Я не могла вообразить бессмысленность себя и своей жизни, чтобы на секунду успокоиться и отдышаться.

И тут меня осенило. Эта мысль прозвучала так отчетливо, что будь я другим человеком, то приняла бы это за божественное вмешательство.

«Какая разница, однажды я все равно умру... И меня никто не вспомнит».

Мне тут же стало легче. Выпрямившись, я посмотрела на небо и подумала: «Я всего лишь кусок мяса на камне, который крутится в космосе. Бесполезный и бессмысленный». Грудь расслабилась, легкие наполнились воздухом, и впервые за много лет туман рассеялся. Я думала обо всем, что меня волнует, из-за чего я нервничала, лежала без сна по ночам, и увидела все это таким, каким оно и было – совершенно бессмысленным. Через сто лет всем будет плевать на мою работу. Всем будет плевать на меня.

Я вдруг стала восьмилетней собой, мой разум прояснился, а тело расслабилось. Я думала о материи, о миллиардах лет существования Вселенной, о безымянных телах, из-за которых я оказалась здесь, и о том, как безустанный поток времени вскоре смоеет и меня. Я поняла, что только нескольких человек из целого поколения за что-то помнят. Но и их, если им повезет, будут помнить только ближайшие пару сотен лет. В конце концов, и величайшие достижения, и самые великие умы, и самые важные моменты уходят в небытие. И даже если бы мне каким-то образом удалось добиться чего-нибудь значимого, задержаться в коллективном сознании на одно или два поколения, я не смогла бы этим наслаждаться. «Однажды я умру», – повторила я, улыбаясь, как будто сама только что изобрела концепцию смерти.

Когда тем вечером я вернулась домой, моя собака, как обычно, встретила меня у дверей. Я протянула руки, чтобы поднять ее, и уставилась на маленькую мордочку, а затем почувствовала, как это крохотное тельце ворочается под моими ладонями: «Стиви, с точки зрения истории мы с тобой, вероятно, одинаково ценны для этой планеты». Если взглянуть на нас обеих в масштабе миллиардов лет, в ее жизни, посвященной поиску места, где удобней полежать, было не больше и не меньше благоденствия, чем в моей. Когда-нибудь мы обе умрем, нас похоронят или кремируют, и мы одинаково смешаемся с землей.

Все было бессмысленно. Ничего не имело никакого значения. Вот так моя жизнь вернулась ко мне. Вернее, та жизнь, которой я жила в восемь лет. Это было самое приятное озарение в моей жизни. Я открыла для себя *нигилизм*. Вернее, раз уж на то пошло, *солнечный нигилизм*.

Глава 1. Нигилизм в XXI веке

Без преувеличения: у нигилизма сейчас не лучшая репутация. Услышав этот термин, мы невольно представляем вечно хмурых бородатых европейцев в серых пальто. Если в компании вы объявите себя нигилистом, то сразу заметите, как изменится атмосфера, глаза ваших собеседников поблекнут, а затем люди вокруг куда-то испарятся. Пока я писала эту книгу, меня часто спрашивали, почему я так увлеклась этой неприятной темой. Когда же я бралась убеждать окружающих, что эта философия не заслуживает своей отталкивающей репутации, что солнечная версия нигилизма предлагает полезный и жизнеутверждающий взгляд на мир, пару секунд они кивали, пока, наконец, не спрашивали: «Так что же все-таки такое нигилизм?»

Нигилизм – это один из тех терминов, которые люди часто используют, не до конца понимая их значение. Обычно, говоря о нигилизме, под ним подразумевают что-то негативное или депрессивное, ассоциируют его с чем-то неприятным. Поэтому, прежде чем мы начнем исследовать, как менялось отношение к этой концепции, или попытаемся исправить собственное представление о ней, – мы должны обратиться к традиционному восприятию нигилизма.

Честно говоря, неудивительно, что понимание концепции вызывает у многих проблемы. Само слово «нигилизм» буквально означает «отрицание». Оно происходит от латинского слова *nihil* – «ничто». То есть понятия пустоты и отсутствия чего-либо играют немаловажную роль в концепции. Нигилисты (по крайней мере, согласно стереотипам) считают, что смысла, ценностей и цели изначально не существует, что это искусственные конструкторы, за которые мы цепляемся ради комфорта и дисциплины. Таким образом, нравственность, порядочность и добродетель не вплетены в ткань нашей жизни и существования, как воздух или гравитация. Это просто идеи, которые мы решили внедрить в нашу коллективную реальность.

Исходя из этого, некоторые могут утверждать (и утверждают), что наша связь с этими ценностями также временна.

Если все бессмысленно, цели быть не может, а мораль – это выдумка, тогда зачем все это?

Зачем вставать с постели по утрам? Или зарабатывать деньги? Или следить за своей внешностью? Или заставлять себя вступать в вежливый, но утомительный разговор с соседями? Или пытаться придерживаться каких-либо социальных норм в отношении нравственности, раз нравственности в конечном итоге тоже не существует? Неслучайно от корня «нигил» происходит глагол «аннигилировать». Когда вы начинаете так думать, вполне закономерно, что все вокруг разваливается на части.

Прежде чем разобраться с самым распространенным толкованием нигилизма, стоит подчеркнуть, что часто при употреблении этого термина люди подразумевают различные его разновидности – все зависит от того, с кем вы разговариваете. Чтобы дать общую картину и убедиться, что все мы говорим примерно об одном и том же, давайте обратимся к нескольким из этих видов – тем, которые наиболее тесно связаны с нашей жизнью и опытом.

Исторически сложилось, что при упоминании нигилизма речь чаще всего идет о *нигилизме политическом*. Он выходит за рамки теоретических дискуссий и напрямую влияет на события реального мира. Политический нигилизм отвергает политические, социальные и религиозные системы, структуры и власть. Его часто связывают с русскими анархистами XIX века, которых не устраивало сосредоточение власти в руках церкви и монархии, а также сословная иерархия, позволявшая аристократии эксплуатировать народ. Этот период безудержного нигилизма запомнился убийством царя Александра II в 1881 году, которое до сих пор бросает тень на концепцию.

Хотя насильственные методы некоторых политических нигилистов пугают, их желание разобраться, как и почему легитимизированные властные структуры оправдывают издеватель-

ство одной общественной группы над другой, кажется обоснованным. Призывы протестующих движения *Black Lives Matter* в 2020 году упразднить полицию и прекратить ее финансирование, опустошить тюрьмы и пересмотреть систему освобождения под залог вполне можно назвать проявлением политического нигилизма. Эти люди оценили наш нынешний образ жизни, власть, уровень безопасности и пришли к выводу, что привычная нам система явно не работает. Вместо того чтобы слепо принимать традиционные представления о законе и порядке, они пытаются понять, как мы пришли к тому, что имеем сейчас, и подвергают сомнению мифы о роли полиции в наших сообществах, которые мы сами себе рассказываем. В конечном счете эти протестующие и активисты вышли на улицы не для того, чтобы громить целые кварталы или ввергнуть весь мир в хаос. Они призывают людей на минуту остановиться и спросить себя: почему мы так живем? Почему мы поддерживаем структуры, которые не работают и в которые мы не верим? Просто потому что так сложилось? Можем ли мы что-то с этим сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.